

ля показа трудности пути, тут был ход еще и к сильнейшему драматическому моменту действия. Одна из зенитчиц — престыжная Лизавета, выполняющая приказ командира, должна была ночью пробраться через болото обратно в лагерь: за побегом. Наклонная доска скользила под ногами, девушка из всех сил работала шестом, болото страшно шипело, дрожало, доска поднималась все выше, и Лиза с криком ринулась вниз. На миг над доской появились ее две руки. Выбавленные лучом из мрака, они медленно погружались во ягду. Страшный крик, тишина. И полный свет. Вертикальная доска повернута, и перед нами Лизавета — босая, в рубахе, стоя на верху лестницы, точно у себя в избе, слушает крики фраз из беседы отца того проезжего человека, который, кажется, первый задел ее сердце, именно о нем она только что рассказывала старшине Васкову... Лиза повторяет эти свои слова. И вмиг снова темнеет, снова выбавлены светом скользкие вниз ладошки, душераздирающий крик — мертвая тишина. Значит, перед нами был вспыхнувший, как при бласе магии, последний отблеск жизни девушки, ее прадсмертное видение данности пережитого счастья... Умрут они все, умрут, выполняя свой долг. Напряжение действия нарастает, только в этот момент фризев одолели наши. А девушки смерть косит и косит. Их убивают страшным ударом ножа — душераздирающий крик, глыба — и прадсмертная мысль-воспоминание — у каждой свое трагическое прощание с жизнью, ее последний световой луч...

Незабываемы сценические метафоры Юрия Любимова, воспламеняющие наше воображение и как бы делающие нас самих поэтами скорби и гнева...

Режиссер расширяет время действия, открывает перспективу на всю жизнь своих героинь, а затем резко на самом светлом мгновении обрывает их жизни! И в этом своем поэтическом творчестве делает нас соавторами. Поразительно, что, участвуя в «сочинении» этих трагических картин и заведомо лишая себя ощущения иллюзорности действия, мы не только не охлаждаем свое

чувство, а напротив, испытываем от одновременности сопереживания и сотворчества огромное и все нарастающее волнение.

И, отвечая этой, распирающей нашу грудь трагической эмоции, режиссер, дабы дать выход нашему чувству, резко останавливает действие. Он выводит всех пятерых героинь (и уже погибших) на сцену, и девушки скорбно, сдержанно и очень мелодично поют нечто подобное реквиему по только что убитой товарке, поют о самих себе. И действие переходит в величественный эпический пляс... Оно героично силой стойкости и гнева. И главный аккумулятор этой силы старшина Васков. Страшно слышать дыхание этого упавшего на колени человека. Горе слито с ненавистью, Васков ползет к врагам, гимнастерка солдата чернеет от пота, он дышит хрипло и часто — и наша захваченность действием очень велика.

Страшно слышать дыхание этого человека, оно клочечет рыданом и готово разорвать его могучую грудь — Васков поднимается во весь свой рост — и иступленно, гровно крича, бросается в палатку (таким кокусом сгруппированы доски) на фризев и выпускает в них всю очередь автомата... Он победил, но какой бесконечно дорогой ценой! Солдат, мужчина, победивший ценой гибели пятерых девичьих жизней. Васков уходит со сцены, и плечи его потрясает беззвучный плач.

На сцене мертвая тишина и ни души. Зал, затана дыхание, ждет, — что-то еще будет? Это не конец действия, слышном много заложено в этот спелый духовной энергии, человеческого добра и гнева, высконого лиризма и благородной патетики, чтоб он оборвался жесткой очередью автомата и

задухновенным рыданом солдата-бойца...

Обязательно что-то еще должно произойти и стать катарсисом действия, первесте трагическое сопереживание в сотворчество, уже в самой своей природе тающее радость...

И на сцене происходит совсем неожиданное: доски, выстроенные пирамидой, оттагиваются тросами и повисают наждад на своем месте... Сейчас они ярко подсвечены и на них отчетливо видны глубоко нацарапанные кресты: это Васков помечал ножом на стволах деревьев места гибели своих бойцов, своих подруг, своих дочерей...

Доски висят, слабо покачиваются, раздаются наивные, трогательные звуки «Прифронтного вальса», одной из самых любимых песен военных лет.

И вот оно — неожиданное и ожидаемое. Доски начинают медленно, плавно кружиться. Музыка играет все громче и громче, а доски кружатся, кружатся, кружатся... И душу нашу теперь распирает счастье. Откуда оно? От радости творчества, нашего творчества. Кружатся, танцуют победительницы.

Помните слова Ленина — «Оно (искусство) должно пробуждать в них (в нас) художников?»

Разве это не самое прекрасное состояние — когда происходит одновременная и взаимосвязанная деятельность зрителя как человека и художника, полно и страстно воспринимающего явление искусства?

Именно на этой основе утверждается синтетическое искусство театра, у которого великое будущее — ибо оно в духе самого нашего эстетического чувства, жаждущего одновременно и поэзии и правды — чувства, которое по самой своей природе синтетично.

Г. БОЯДЖИЕВ,
доктор искусствоведения, профессор.